

Элина Кей

Вай земной

*История – это победа
безжалостных над наивными.*

Издательство
"Альтернативная
литература"

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А33

Охраняется Законом РФ «Об авторском праве и смежных правах».
Воспроизведение книги любым способом, в целом или частично,
без разрешения правообладателей будет преследоваться
в судебном порядке.

Кей, Элина.
А33 Рай земной / Элина Кей. – М.: Альтернативная литература,
2025. – 352 с.

ISBN 978–5–4219–0024–5

Роман «Рай земной» – авторский коктейль жанров, где социальная антиутопия, в которой право женщины быть матерью, данное ей природой, зависит от класса или удачи в лотерее, смешивается с приключениями в поисках утопии – рая земного.

УДК 821.161.1–312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6–44

ISBN 978–5–4219–0024–5

© Э. Кей, 2025
© ООО «Альтернативная
литература», 2025

Часть первая

Глава 1

Окно распахнуто настежь в надежде на ночную свежесть, но прогретый за день каменный город остывает медленно. Старый вентилятор режет лопастями густую, вязкую, как кисель, духоту, заставляя плясать под потолком привязанную к лампочке клейкую ленту с трупами мух. Лишь за пару часов до рассвета жара спала, потянуло долгожданной прохладой и удалось задремать. Но вскоре, опередив будильник, утро ворвалось в открытое окно громким рёвом толпы со стадиона неподалёку и выдернуло Нат из сна и кровати.

Она подошла к окну. Утреннее солнце уже начало припекать, обещая очередной адски жаркий день. Перекрывая гул толпы, усиленный мощными микрофонами донёсся голос комментатора: «Шесть из сорока пяти!»! Делайте ставки! Организатор забега...». Нат захлопнула окно и, несмотря на жару, поёжилась от внезапного холода. Обе ладони легли на едва заметную выпуклость живота, её затрясло так, что лязгнули зубы. «Возьми себя в руки, ты же крепкий орешек, помни это... один, два, три...» – глубоко вдохнула, медленно выдохнула, концентрируясь на дыхании и счёте, пока не унялась дрожь.

Дышать, как и многому другому, Нат научила бабушка. Она же обрезала её имя – Натали.

– Нат – это орешек, а ты крепкий орешек, помни это, иначе никак, – говорила она.

Бабушка сама вырастила её, чудом добившись разрешения на опеку. Нат не знала мать, та умерла от послеродовой горячки. Гражданам третьего класса не полагалось медицинского обслуживания и лекарств. Отец умер за полгода до этого от агрессивной и быстрой формы рака – результат работы на очистке фильтров воды. Возможно, многие смертельные

болезни на самом деле не были таковыми, однако доступ к лечению имели только граждане первого и второго классов.

Каждый класс проживал в своём секторе. Первый и второй – в экологически чистых местах. После войны их осталось крайне мало. Третий – на прилегающих, менее здоровых, территориях, а четвёртый – почти вплотную к заражённым, гиблым зонам. С высоты птичьего полёта это было похоже на мишень, центром которой являлся первый сектор. Построенные по такому принципу города негусто рассеяны по планете. Между ними – многие километры мёртвых лабиринтов развалин бывших мегаполисов, где всё ещё высок уровень заражения. Война закончилась почти пятьдесят лет назад, но Земля до сих пор не очистилась от всей отравы, что щедро выплеснули на неё люди – единственные разумные обитатели планеты.

Внутри города сектора разделены заборами с пропускными пунктами. Кольцо третьего, самого густозаселённого сектора разделено ещё на четыре части, как пятнадцать минут на циферблате. Эти районы так и назывались ЧЧ – четверть часа. Суть была в том, что из любого конца ЧЧ в центр, где всё сконцентрировано, можно было попасть за пятнадцать минут на электросамокате – единственном личном транспорте, разрешённом третьему классу. Весь механический колёсный транспорт, вплоть до велосипедов, роликов и скейтбордов, строго запрещён. Впрочем, большинство предпочитали передвигаться пешком, экономя нормированную электроэнергию. Каждый ЧЧ устроен так, что в шаговой доступности есть всё необходимое – школа, магазины, промзона, квартал развлечений, а также маленький аэропорт и выход в подземку с КПП, соединяющую все сектора. Таким образом, отпадала необходимость в транспорте внутри ЧЧ, а цифровое ограничение фактически запирало граждан в своих районах. Между собой четверти третьего сектора не разделены заборами, только пятьсот метров голого бетона, утыканного столбами с камерами и сканерами чипов, и теоретически житель одного ЧЧ вполне может пешком прогу-

ляться в соседние без дополнительных разрешений. Но поехать не получится: во-первых, заряда электросамоката хватает ровно на пятнадцать минут; во-вторых, зарядить его можно только в ЧЧ по месту регистрации. Кроме того, житель одного ЧЧ не может в соседнем купить даже банку пива, цифровые деньги ограничены не только балансом на счету, но также в пространстве и времени. Гражданин третьего класса может потратить заработанное только в пределах своего ЧЧ и за определенный период, иначе деньги просто растают. Введение срока годности для цифровой валюты полностью исключило для третьего класса возможность накоплений.

Многие граждане третьего класса работали во втором секторе, и по утрам на КПП в подземку выстраивалась очередь. Рабочий пропуск выдавался ежедневно на определённое количество часов, и требовалось отдельное разрешение на сверхурочные, которые давали работягам возможность подзаработать помимо денег ещё и социальные баллы. Рейтинг в новом обществе стал гораздо важнее денег, давая некоторые льготы от безлимитного снабжения водой и электричеством до права на запрос о подъёме во второй класс. Если же кто-то оставался во втором секторе сверх разрешённого времени, его штрафовали на те же баллы, по десятке за каждый час опоздания. Деньги можно было заработать трудом и потратить только на товары и услуги той категории, которой соответствовал личный рейтинг гражданина. Баллы же можно было заработать только поведением и потратить на социальные льготы, недоступные ни за какие деньги. Рейтинг стал эффективным инструментом управления человеческой массой, той ложкой, что постоянно помешивала её, перемещая людей на разные социальные уровни – от сытого благополучия второго класса до самого днища, где пригорал четвёртый. Система баллов не охватывала первый класс, и пенки общества всегда оставались нетронутыми на поверхности этого бурля-

щего варева. Впрочем, рейтинга не было и в четвёртом классе, эти люди были десоциализированы, отторгнуты социумом.

Четвёртый сектор считался отрезанным ломтём общества, последним домом для десоциализированных, выгребной ямой для людских отбросов. От мелких воришек до убийц, от тунеядцев, неспособных заработать ни одного социального балла, до преступников против Системы. Часть из них стали жертвами доносов, не всегда правдивых, но кого волновала правда в погоне за рейтингом? Система поощряла и высоко оценивала в баллах стукачество. В народе четвёртый сектор называли Краем, а кладбище цивилизации за ним – Пустошью. «Перейти на Край» означало вступить на последний круг своего забега по жизни. «Уйти в Пустошь» – умереть.

Зато они были свободны в любой момент уйти скитаться в заражённых руинах – между внешней границей Края и Пустошью забора не было. Также любой гражданин четвёртого класса свободно мог получать наркотики – от всевозможных стимуляторов до тяжёлой артиллерии для самых конченных – октаксадон, сокращённо ОК. Жест из прошлого – сложенные в кольцо большой и указательный пальцы, означавший «всё в порядке», стал фирменным знаком наркотика. Над каждым пунктом выдачи ОК в четвёртом секторе светилась неоновая рука, показывающая, что всё хорошо. Наркотики, койка в одном из трёхэтажных барачков, сложенных из старых грузовых контейнеров и паёк из протеиновых брикетов были платой за работу по очистке городских фильтров воды. Свобода на Краю равнялась смерти. Чистильщики жили недолго, умирая либо от рака, либо от передозировки. Некоторые сами уходили в Пустошь, и никто оттуда не возвращался.

Кроме свободы уйти куда глаза глядят по ту сторону забора и свободного доступа к наркоте, жители Края были свободны от контроля за рождаемостью. При определении

в четвёртый класс каждый проходил через принудительную стерилизацию – одна инъекция «прививки от фертильности» на пять лет делала человека бесплодным, а в четвёртом секторе редко кто выживал больше трёх. Это считалось актом гуманизма. В принципе, это и было гуманно, детям не место на Краю.

Ещё одной свободой отверженных обществом было необязательное присутствие в ЕСС – Единой Социальной Сети. Глобальный Интернет в послевоенном новом мировом порядке из бескрайнего океана информации, в котором свободно плавал пользователь, превратился в инструмент контроля – никто не существовал вне Сети, как мухи, намертво влипшие в паутину. Каждый должен публиковать ежедневные обязательные посты – где был/что делал, непременно с фото или видео, за недостаточную активность снимали баллы, за неоправданное отсутствие в Сети в течение трёх дней или попытку удалить профайл – десоциализация: деактивация личного чипа, синхронизированного со смартфоном, и удаление профайла из Сети просто стирало человека, будто его никогда и не было. Алгоритм, определяющий оптимальную активность пользователя, написан ИИ – искусственным интеллектом. Цифровая смерть считалась самым страшным и позорным наказанием, лишаящим человека всех прав гражданина. Или же свободой... это уж как посмотреть.

Для второго и третьего активность в Сети была вопросом жизни и смерти. Система социальных баллов могла поднять или понизить класс. Вторые грезил подняться к истокам власти в первый, что было почти нереально, третьи мечтали о льготах и условиях жизни второго, что было сложно, но возможно. И все боялись понижения и десоциализации. Все, кроме первого и четвёртого. Ни одного человека первого класса не было в Сети, никто не знал их лиц и имён. В некотором смысле и высшему, и низшему классам некуда было стремиться и нечего бояться. Пожалуй, на этом сходство заканчивалось.

Нат сделала селфи. Спиной к окну, чтобы лицо оставалось в тени. Запостила в Сеть, добавив эмодзи – солнце, чашка кофе, улыбающийся смайл, сердечко. Подумав, удалила сердечко и опубликовала обязательный ежеутренний пост. Прошла на кухню, приготовила кофе из суррогата и, пока принтер еды печатал лепёшку со вкусом омлета, открыла личные сообщения и отослала Дэну сердечко и поцелуй. В ответ прилетело три сердечка. Она улыбнулась, позавтракала и собралась на работу. Когда вышла из квартиры, дверь напротив приоткрылась на длину цепочки. Соседка беспокоило обшарила взглядом лестничную площадку, поманила пальцем и зашептала:

– Нат, зайди ко мне после работы, я достала то, что ты просила, а ещё есть рис, сахар, сухое молоко.

– Спасибо, тётка Клара, зайду вечером.

Соседка приторговывала гуманитаркой. Иногда первый и второй классы жертвовали третьему просроченные лекарства и продукты, это называлось благотворительностью. Но до нуждающихся ничего не доходило, всё разворовывалось ещё на этапе разгрузки. Чёрный рынок процветал, несмотря на жестокие наказания за кражу и спекуляцию. Люди пытались выжить кто как мог, даже с риском перевода в четвёртый класс.

Нат спустилась по лестнице, хотя лифт работал. Камера в нём синхронизирована со счётчиком углеродного следа, и за пользование лифтом снимаются баллы, которые так нужны ей сейчас. В холле мутное зеркало с паутиной трещин в верхнем углу отразило молодую большеглазую брюнетку с кудрявой гривой до пояса. Она сняла с запястья резинку, собрала волосы в хвост и повернулась боком. В просторном зелёном комбинезоне живот не заметен. Пока не заметен. Нат поднесла запястье к сканеру, цифровой замок мигнул зелёным, и двери подъезда разъехались, выпуская её в мир. Она глубоко вдохнула, медленно выдохнула, натянула на нос маску и шагнула в пекло майского утра.

Глава 2

Нат работала в библиотеке. Бабушка рассказывала, что до войны это было общественным местом с разными книгами, газетами и журналами, люди приходили сюда читать или взять книгу на время. Сейчас они мутировали в фабрики по производству контента для Сети. Она вошла в здание вместе с толпой библиотекарей, одетых в такие же форменные комбинезоны, отличающиеся по цвету. В просторном холле пёстрый поток разделился на синие, красные, зелёные и другие ручейки к лифтам соответствующих цветов. Чтецы, цензоры, переводчики, работники архива и отдела аудио- и видеофайлов. Люди в очередях двигались молча, не здороваясь, изредка приветствуя коллег кивком или поднятием ладони на уровень груди. Нат подошла к зелёному лифту, поднесла запястье к сканеру, под тонкой кожей высветился штрихкод, двери разъехались, впуская её внутрь. Зелёный лифт на зелёный этаж – отдел переводов. Цветные лифты курсировали только между холлом и своим этажом, невозможно было синим лифтом приехать на жёлтый этаж, исключение составлял серый лифт начальства, останавливающийся на любом этаже.

Нат вошла в свою ячейку и сняла маску, дверь бесшумно закрылась, щёлкнул автоматический замок и пискнул таймер – рабочий день начался. Отобрав помеченные на сегодня тексты, она села за стол, включила экран, взяла верхнюю папку из стопки и начала читать. Грамоте и трём языкам прошлого её обучила бабушка. После реформы образования третьего класса тридцать лет назад почти не осталось людей, умеющих читать и писать.

Бабушка тоже работала в библиотеке. Чтецом. В её обязанности входило читать старые книги, определять ка-

тегорию, писать краткое изложение содержания и передавать в отдел цензуры, который разрешал текст к переводу или выдавал вердикт запретить, изъять и уничтожить все экземпляры. Она часто брала работу на дом, а когда стала плохо видеть, Нат читала вслух и писала под её диктовку синопсисы. Так, помогая бабушке, она познакомилась с массой довоенной литературы, большая часть которой, вроде книг по истории, философии и религиям, не пройдя цензуру, впоследствии была уничтожена.

Послевоенной литературы просто не существовало. В новом мире творчество не поощрялось, считаясь непродуктивной тратой времени и ресурсов, к тому же ИИ генерировал любую музыку, изображение или текст, включая стихотворный, тем самым полностью обесценив талант человека. А произведения искусства, литературы, кино и музыки, пережившие войну, подвергались жёсткому отбору и к современной адаптации допускались лишь немногие. Не самые лучшие, сильные и умные образцы креатива, несущие в себе хоть какие-то идеи. Наоборот. Простенькие, не таящие глубокого смысла произведения на нейтральные темы имели больше шансов пройти цензуру, становясь ещё примитивнее после адаптации и перевода на общий язык – эмодзи.

После войны в мире начался хаос. Не было победителей и побеждённых, были выжившие. Правительства рухнули. Границы стёрлись. Мир рассыпался как карточный домик. Миграционные потоки хлынули по планете в поисках незаражённых мест, пригодных для жизни. Итогом стал новояз – дикая смесь языков довоенного мира. Пост-Вавилон ядерного постапокалипсиса. Несколько лет спустя было сформировано единое мировое сообщество – ГССГ, Глобальный Союз Свободных Городов. Городов без названий – география послевоенного мира изменилась, названия стран и городов стали неактуальны, а давать имя территории стало пережитком прошлого. В ГССГ города были пронумерованы. Уходила эпоха букв,

наступала эпоха цифр. А когда встал вопрос общей письменности, выбрали эмодзи. Несколько тысяч картинок заменили всё богатство и многообразие языков прошлого.

Это и было работой Нат – переводить слова из букв в картинки. Бабушка очень расстроилась, когда тест на профессиональную пригодность определил внучку переводчиком. Она надеялась, что столь редкое для её поколения умение – читать и писать, даст ей должность чтеца, обеспечив доступ к литературе прошлого. До переводчиков доходили лишь тексты, прошедшие модерацию. Глупые, скучные, лишённые информации, идей и эмоций, кастрированные ножами цензора. И становящиеся ещё примитивнее после перевода в эмодзи. Бабушка называла их инструментом отупления людей, говорила, что чем меньше словарный запас человека, тем легче им манипулировать. Она ненавидела эти картинки. Как и реформу просвещения третьего класса. Начатые ещё в прошлом веке, на протяжении двух поколений бесконечные реформы общественного образования вырастили туповатую человеческую массу. «Понимаешь, девочка, тесты, которые предлагают всего лишь выбрать верный ответ из нескольких, отучают думать, анализировать, искать информацию, отучают учиться», – говорила бабушка. На фоне стремительного роста технического прогресса, не менее стремительно снижался уровень грамотности, эрудиции и IQ среднестатистического обывателя. Человеческий интеллект деградировал, а искусственный развивался.

В новом мире система просвещения трансформировалась в КППК – комитет подготовки профессиональных кадров от Министерства Человеческих Ресурсов. До семи лет дети воспитывались только в семье, дошкольное образование, как и многие социальные институты, просто перестало существовать. С семи до двенадцати лет – школа, где многочисленными тестами определялось, в какой области деятельности ребёнок будет наиболее продуктивен, и сле-

дующие пять лет обучали исключительно профессии, готовя специалистов узкого профиля, не обременённых «лишними» знаниями, не разбирающихся ни в чём вне своей компетенции. Составлял тесты ИИ. Он же определял будущую профессию. И если поначалу главенствующими были принципы меритократии, дающие умным и талантливым шанс подняться во второй класс, то после очередной реформы приоритетом стали потребности рынка труда. Школа превратилась в фабрику, где ИИ штамповал человеческие кадры. И никакой свободы выбора. Если ребёнок мечтал пилотировать шаттлы на Луну, а программа решала, что он подходит для аграрно-животноводческого комплекса, то не видать ему никакого космоса и таскать навоз всю жизнь. В Союзе Свободных Городов со свободами было не очень свободно...

Пискнул таймер обеденного перерыва. Нат помассировала затёкшую шею, встала, сделала несколько наклонов. Походила по крошечному кабинету – пять шагов в длину, четыре в ширину. Зажужжал принтер, печатая протеиновый батончик, из автомата вывалилась бутылка воды. Холодная. Нат приложила её ко лбу, к разгорячённым щекам и потной шее. Жадно выпила сразу половину. Библиотекарям кондиционер не полагался, во всём здании он был только в кабинетах начальства и в архиве, где необходимо было поддерживать определённую температуру. Достала смартфон, сделала фото бутылки и батончика на фоне экрана и стопки папок, опубликовала обязательный дневной пост в Сети, сопроводив эмодзи – человек с лопатой. Это означало работу. Откусила безвкусный батончик, стараясь не думать из каких «чернил» он напечатан, и открыла профиль Дэна. Судя по локации, его судно должно войти в порт города № 12 через десять дней. Ещё трое суток на таможню, погрузку улова в шаттл и перелёт домой, в город № 8. Через две недели они увидятся. Нат очень надеялась, что вместе они найдут выход из капкана, в котором оказались.

Тренькнуло уведомление, отвлекая от тяжёлых мыслей. Отправитель не знаком, судя по профилю – второй класс, место службы – Министерство Информации. Библиотеки тоже подчинялись этому ведомству. Должность, как и вся личная информация, скрыта – значит, не из простых клерков, а кто-то из руководства, только им позволено не указывать в Сети, которая тоже принадлежит Министерству Информации, некоторые пункты, обязательные для остальных. Открыла письмо, удивившись буквам вместо привычных эмодзи.

«Гражданин Натали Грин, Вам предлагается работа по каталогизации частной библиотеки.

По условиям контракта работа на месте – во втором секторе. Первая неделя – десять часов в день с двумя полу-часовыми перерывами, с питанием по второму классу, без проживания. Если в течение испытательного периода Вы покажете высокий уровень квалификации, контракт будет продлён на срок, необходимый для завершения всего объёма работы, и Вы получите временное разрешение на проживание во втором секторе по месту работы с полным содержанием (отдельная комната, питание по второму классу и ограниченное медицинское обслуживание).

Оплата в монетах и социальных баллах: первая неделя – 300 монет и 100 баллов

В случае продления контракта – 400 монет и 150 баллов в неделю.

Ваше начальство уже поставлено в известность, разрешение на отпуск получено. Удачное сотрудничество предполагает подобные контракты в будущем.

Для согласия и получения дальнейших инструкций нажмите «лайк».

У Нат пересохло во рту. За неделю работы в библиотеке она получает сто пятьдесят монет. Но ещё важнее – социальные баллы. Это могло стать спасением. За несколько месяцев можно будет накопить нужное количество и по-

дать заявку на перевод во второй класс. Главное – успеть до родов. И Дэну придётся постараться. Впервые появилась надежда на реальный выход из безвыходного положения. С горькой самоиронией Нат говорила о себе – женщина в положении, в безвыходном положении. Она не уповала на мизерный шанс выигрыша в лотерею, спасти мог только переход во второй класс. И, не раздумывая, нажала «лайк». Мгновенно в ответ получила код пропуска во второй сектор, адрес заказчика и дату. Через неделю. Как раз к приезду Дэна станет понятно, продлят ли ей контракт.

Пискнул таймер, сообщая о конце перерыва. Нат залпом допила воду и села за стол.

Под вечер ломило спину и рябило в глазах от эмодзи. Сейчас, когда появилась перспектива интересной и очень нужной ей работы, нынешнее занятие казалось ещё более тупым. И отупляющим неграмотное большинство третьего класса. И всё равно она положила несколько папок в сумку, чтобы поработать дома. Добровольная внеурочная работа поощрялась дополнительными баллами. Наконец таймер возвестил о конце рабочего дня, зажужжали двери, выпускающая из крохотных ячеек людей, которые усталыми разноцветными муравьями тут же разбегались по своим маршрутам. Тихо, организованно, молча. Общение на службе между коллегами не поощрялось, ограничиваясь взаимными кивками утром и вечером в общем холле. А общаться вне работы никому и не приходило в голову.

Глава 3

Вечер гонит людей по улицам. Кто-то спешит домой, но большинство разбегаются по барам и порно-театрам. В третьем секторе на каждом углу забегаловки с электронной музыкой, лёгкими наркотиками и дешёвым алкоголем. А в многочисленных секс-заведениях можно бесплатно посмотреть шоу, купить недорого новейшие секс-игрушки или живую проститутку любого гендера и ориентации.

Послевоенные годы изменили отношение к проституции, тогда многие выжившие – и мужчины, и женщины, и даже дети – попадали в ситуации, вынуждающие их продавать своё тело ради того, чтоб выживать и дальше. Проституция перестала восприниматься обществом чем-то грязным и порочным, просто ещё один способ заработать. И при становлении нового мира превратилась в обычную профессию, которой обучали в школе. Бабушка говорила, что в послевоенном социуме открылось много окон Овертона, а сам процесс, как и реформы образования, начался давно, под конец прошлого тысячелетия. То, что веками считалось табу, постепенно становилось нормой. Именно табу и делают общество цивилизованным. Законы, которые необязательно писать, чтоб их соблюдали, потому что для цивилизованного человека и так неприемлемы некоторые вещи, типа поедания себе подобных или использование детей в недетских целях, будь то секс или рабский труд. Табу и делают нас людьми, но эти окошки постепенно и целенаправленно отменяли их – от межрасовых браков до однополых и небинарных, от легализации наркотиков и проституции до педофилии и канибализма в годы ядерной зимы. От эвтаназии до утилизации. Процесс разложения, разращения и деградации общества

был запущен задолго до войны, именно он и сделал эту войну возможной. Ураганный сквозняк из этих открытых окон Овертона снёс хрупкие границы норм и морали и положил начало концу цивилизации.

Нат иногда думала о том, как чувствуют себя подростки, когда тест на профессиональную пригодность определяет их в секс-индустрию. Их хирургически стерилизуют перед началом трудовой деятельности, в шестнадцать лет. Их выращивают для продажи собственного тела. Им дают специальный наркотик, делающий людей безучастными и апатичными ко всему, кроме секса. Мало кто из них доживает до сорока. В силу быстрого физического и психического износа остаются без работы, а лишившись наркотика и секса, теряют интерес к жизни. Среди секс-работников был самый высокий процент самоубийств.

Нат проходила мимо стеклянной витрины порно-театра, за которой несколько обнажённых людей с пустыми глазами сплелись в бисексуальной оргии, и подумала об их чувствах. Каково им. При этом остро понимая, что вряд ли кто-то из толпы прохожих, скользящих по витрине либо похотливыми, либо равнодушными взглядами, задумается об этом. И уж точно никто из них не задумается, каково ей. «Ощущение одиночества в толпе – удел людей высокоразвитых интеллектуально и духовно, они над толпой, потому и одиноки», – говорила бабушка.

Нат зашла в донорский пункт своего ЧЧ, сдала кровь. За это давали десять баллов и батончик псевдошоколада. Никто не знал, на что шла эта кровь, всё до капли вывозилось во второй и первый сектора. Ходили слухи, что первый класс – это вампиры, и вены работяг третьего сектора снабжают их пищей. Нат не верила в клыкастых бессмертных кровососов, боящихся солнца и чеснока, но верила в биотехнологический комплекс, создающий из плазмы препараты, продлевающие молодость и долголетие элит. Новый

мир – новые вампиры. Про первый класс ходило много слухов – вампиры, инопланетяне, демоны, колдуны, владеющие древней магией, искусственный суперинтеллект, мутанты, обладающие сверхчеловеческими способностями, типа персонажей комиксов. Множество версий, одна фантастичнее другой, доказывали лишь одно – на самом деле никто не знал, кто они, элита нового общества.

По дороге домой Нат зашла в торговый центр ЧЧ, надо было потратить небольшую сумму, срок годности которой истекал завтра, оплатить и получить недельную норму чернил для принтера еды, а, может, повезёт, и будут побитые яблоки из гуманитарки. Перекупщики типа тётки Клары не брали такой скоропортящийся товар, овощи и фрукты – это единственное, что доходило до прилавков и продавалось по символической цене: один килограмм – одна монета. А для того, чтоб набрать килограмм чего-то более-менее съедобного, приходилось перебирать кучу заплесневелого гнилья.

Она приложила запястье к окошку сканера, высветился штрихкод чипа, система просчитала её углеродный след и социальный рейтинг, сняла платёж за коммунальные услуги и выдала остаток «тающих» денег – как раз хватит на чернила, покупки у тётки Клары, и останется пара монет на яблоки. Тренькнул смартфон, уведомив о списании со счёта, и поднялся шлагбаум, впуская её в торговый центр ЧЧ.

Он представлял собой огромный ангар, разделённый стеллажами на секции от продуктов до одежды и предметов быта. Нат шла вдоль полок с заменителем сахара в таблетках или каплях, суррогатным кофе, протеиновыми брикетами разных вкусов, порошковыми соками ядовито-оранжевого или розового цвета, белковой мукой. Состав продуктов на этикетках отображался в мультяшных картинках весёлых сверчков-червячков и непонятных химических формулах.

На отдельном стенде для акций с голографической рекламой стояли баллончики с новинкой – ароматизатором

еды. Скучно одетая и щедро покрашенная модель вынула из принтера свеженапечатанную лепёшку, поставила тарелку на стол и, эротично облизываясь в предвкушении, сняла крышечку с первого из трёх баллончиков – красного. Отрезала кусочек лепёшки, брызнула на него, отправила в рот и расплылась в блаженной улыбке, закрыв глаза, а лепёшка трансформировалась в сочный стейк с румяной корочкой. Следующий кусочек она попшикала из зелёного, и лепёшка превратилась в салат. Последний – розовый, оказался десертом и, закатывая глаза и сексуально постанывая от чрезмерного удовольствия, модель поела ту же лепёшку в виде кремowego торта с ягодами.

– Съешь в одной лепёшке полноценный обед из трёх блюд! Ты достоин наслаждаться ароматом еды! Попробуй наши новинки – с запахом сыра, курицы гриль и ванильного мороженого!

Встроенный в рекламный стенд пульверизатор периодически выпускал струю аппетитного аромата, голодные люди быстро расхватывали разноцветные баллончики. В воздухе смешались синтетические запахи жареного мяса и ванили, Нат затошнило, и она поспешила прочь, едва сдерживая рвотные позывы. Хотя, возможно, дело было не в запахах, а в её положении.

В овощном отделе всегда воняло гнильём и сыростью, и она натянула маску повыше на нос. В ящиках с позеленевшей картошкой копошились две пожилых женщины и мальчик лет двенадцати. Пара средних лет обрывала зелёные ростки гниющего лука. Нат прошла мимо вялых, сморщенных огурцов, мелкого батата размером не больше морковки, лопнувших помидоров с полосками плесени в трещинах и иссохших в труху пучков зелени. В лотке с фруктами среди почерневших бананов и гнилых слив яблок не было, но нашлись две мягкие, переспевшие груши с коричневыми вмятинами на боках, апельсин и вполне приличный лимон.

Можно будет порадовать себя и малыша фруктовым салатом. Получив недельную норму чернил для принтера, Нат поторопилась к столбику кассы, разблокировала смартфон, приложив экран к запястью, потом подняла его на уровень глазка камеры на столбике, тренькнуло уведомление о списании суммы, и поднялся шлагбаум, выпуская её на улицу.

В подьезде было темно. Норма на электроэнергию в третьем классе вызывала ежедневные отключения, иногда по пять-шесть часов. Можно было получить безлимитное снабжение за счёт социальных баллов, но Нат предпочла копить их на более важное дело. На самое важное. Она включила фонарик смартфона и, держась за перила, осторожно поднялась по ступенькам. На тёмной площадке скрипнула соседская дверь, звякнула цепочка. Тётка Клара открыла в тот же миг, когда Нат подняла руку, но ещё не успела постучать. Словно поджидала её в темноте за дверью, прильнув к глазку. Нат зябко передёрнула плечами, ей сделалось не по себе от этой мысли. В луче фонарика худое, костлявое лицо соседки казалось черепом. Она поманила пальцем, потом прижала его к губам, призывая к тишине, и скинула цепочку, впуская Нат в квартиру. Узкий коридор заставлен коробками, пахнет плесенью, пылью и какой-то кислятиной.

– Осторожно, не урони ничего, – шепнула хозяйка. Нат протиснулась вслед за ней между штабелей коробок и вошла в комнату. В этот момент дали свет.

– О, глянь, как повезло тебе! Мы тут полдня без электричества, а ты только пришла с работы – и пожалуйста! – она протянула руку, глазами показывая на смартфон. Нат выключила и отдала. Для верности соседка засунула его под матрас. Подслушивающие функции работали и при выключенном гаджете. Комната тоже была заставлена всевозможными коробками, пакетами, канистрами, оставляя узкие проходы на кухню и в туалет.

– Вот, достала то, что ты просила, – её рука нырнула в одну из коробок, пошарила там и извлекла две маленькие пластиковые баночки. – Железо и витамины. И зачем тебе понадобилось железо, а, Нат? – маленькие, глубоко посаженные глазки заблестели нездоровым интересом из тёмных впадин глазниц, ощущав взглядом пока ещё плоский живот девушки.

– А вот это не твоё дело, тётка Клара. Как и не моё дело – откуда у тебя всё это. Не так ли?

– Так, так, не кипятись... Слушай, есть у меня один знакомый, бывший ветеринар, зубы рвёт отлично, может помочь решить твою проблему, если срок маленький. Всего триста монет, ну и мне десять процентов за то, что сведу вас. Хотя, судя по этому, – она потрясла баночками, прислушиваясь к шуршанию таблеток, и протянула их Нат. – Ты не думаешь в этом направлении, не так ли?

– Так. Не думаю. Но это тоже не твоё дело, – она начала читать этикетку.

– Ишь, грамотная, читает она... да что там читать, витамины и всё, не отраву ж я тебе подсовываю!

– Срок годности истёк давно...

– Да где ж я тебе в третьем секторе свежее достану?! И ничего страшного, это ж просто железо, оно не портится, что ему сделается, да и запаяно герметично. Не хочешь – не бери, но ты заказывала, я рисковала, специально тебе достала, никто такое не просит...

– Ладно, я возьму, и витамины тоже.

– Тридцать монет.

– Двадцать. И тогда я возьму ещё что-нибудь из продуктов.

– Чёрт с тобой, ладно... Есть рис, пшено, сухое молоко, яичный порошок, кукурузная мука, супы в кубиках – овощной, грибной и куриный, крекеры, растительное масло вот в канистрах, продаю по стакану, сахар есть кусковой, продаю по десять кубиков, – соседка заученной скороговоркой перечисляла ассортимент. – А ещё деликатес достала, порошок какао.

Раньше тётка Клара продавала и просроченные консервы, несмотря на то, что несколько покупателей умерли в страшных муках в результате тяжёлого пищевого отравления. С консервами она завязала только после того, как несколько десятков вздутых банок взорвались, испортив кучу товара и надолго завоняв квартиру и лестничную площадку. Соседка открыла одну из коробок, достала пачку риса, сунула в руки Нат и начала извлекать продукты.

Под прозрачной упаковкой рисинки шевелились. Нат подумала, что у неё до сих пор рябит в глазах от многочасового сидения перед экраном с эмодзи. Поднесла пакет ближе к лицу. Шевелящиеся рисинки оказались маленькими белыми червячками. Она вздрогнула и выронила пакет.

– Смотри, брезгливая какая, сварись – и перестанут шевелиться, да и почти незаметно в рисе, считай, получила бесплатную протеиновую добавку. Думаешь, чернила для принтера еды из чего-то другого делают? Дура ты, Нат, хоть и грамотная. Бояться надо не тех червей, которых ешь ты, а тех, которые едят тебя, – и в восторге от собственного остроумия тётка Клара захохотала, показав чёрный провал рта с несколькими гнилыми пеньками, оставшимися от зубов.

– Вот у тебя так много еды, можешь хоть целыми днями есть досыта, почему при этом ты такая тощая, а? Может потому, что твои черви уже давно едят тебя?

– Тьфу на тебя, зараза! Дерзкая, вся в бабку! Доведёт тебя твой язык, девка. Ладно, будешь брать что-то?

Нат взяла пачку ломаных крекеров, по десять кубиков супа и сахара, яичный порошок и сухое молоко. Подумала и добавила к покупкам маленький пакетик какао.

– Сорок пять монет, – сказала торговка, возвращая смартфон.

– Кстати, знаешь, тётка Клара, скоро отменят свободу сделок до пятисот монет, надо будет обязательно указывать источник дохода, – она включила гаджет, ткнула в иконку

с изображением горки монет и перевела деньги. – Что тогда будешь делать, как оформишь поступления?

– Как-нибудь оформлю, да хоть оказание сексуальных услуг, – она рассмеялась в ответ на красноречивое выражение лица Нат. – А что, между прочим, беззубые пользуются спросом, есть любители, поверь мне, – отхохотавшись и внезапно посерьёзнев, добавила: – Конечно, придётся платить с этого налог, так что цены повышу, заранее предупреждаю.

Нат брезгливо скривилась, забрала покупки и поспешила домой. Иногда за пятнадцать минут в квартире соседки она уставала больше, чем за рабочий день в душной клетке кабинета.

